

DOI [10.19181/demis.2026.6.2.10](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.2.10)

EDN [MEBUXR](https://www.edn.ru/MEBUXR)

Научная статья

СОЦИОСТРУКТУРНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ: РЕСУРСЫ ЗАНЯТОСТИ И ФАКТОРЫ ЖИЗНЕННОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ

Вяльшина А. А.

Институт аграрных проблем ФИЦ СНЦ РАН, Саратов, Россия

E-mail: anvyal@mail.ru

Для цитирования: Вяльшина, А. А. Социоструктурная дифференциация сельского населения России: ресурсы занятости и факторы жизненного благополучия // ДЕМИС. Демографические исследования. 2026. Т. 6. № 2. С. 168–187. [10.19181/demis.2026.6.2.10](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.2.10). EDN [MEBUXR](https://www.edn.ru/MEBUXR).

Аннотация. Работа посвящена исследованию актуальных социоэкономических аспектов повседневной жизни типичных социальных групп сельского населения. На базе эмпирического изучения публикаций российских социологов проведен анализ и выявлены характерные социоструктурные черты основных социальных групп сельского населения. Представлены результаты прикладного социологического исследования, проведенного Институтом аграрных проблем РАН в 2023 г. Объектом анализа являлись жители сельских поселений Саратовской области ($n=1\,215$), выборка целевая, квотная, пропорциональная социоструктурным критериям, связанным с наличием занятости и ее типом. Главной целью исследования были поиск и обоснование механизмов позитивного влияния социокультурных ресурсов локальных сообществ на аграрное производство и жизнеустройство сельских территорий. Проанализированы объективные различия в уровне и качестве жизни разных групп сельского населения в зависимости от наличия и типа занятости. Выявлены субъективные основания и предпосылки жизнедеятельности, обуславливающие успешность достижения жизненного благополучия. Результаты исследования позволяют предположить наличие специфической комбинации социоструктурных критериев для каждой социальной группы современного села, вызванных локальными особенностями жизнедеятельности на сельских территориях России. Охарактеризованы особенности социально-экономического положения и социального самочувствия типичных групп села (фермеров, владельцев товарного ЛПХ, наемных работников сельского хозяйства, работников бюджетных отраслей, сельчан, не имеющих официальной занятости, сельских пенсионеров). Рассмотрены объективные и субъективные предпосылки достижения жизненных целей в местах проживания и возможности расширения индивидуальной активности. Сделан вывод о социоструктурной детерминации адаптационных возможностей и ресурсов саморазвития типичных социальных групп сельского населения. Полученные результаты будут способствовать поиску и активизации социокультурных оснований расширения внутреннего потенциала сельских сообществ для стимулирования устойчивого развития сельских территорий России.

Ключевые слова: типичные социальные группы, сельские сообщества, социоструктурные особенности, сельские территории, социологическое исследование

Введение

В социально-экономическом развитии сельских территорий России длительное время фиксируется ряд системных проблем – от слабо развитой экономики и социальной сферы, депопуляции, проблем безработицы и значительного оттока населения до низкого уровня развития инженерной и социальной инфраструктуры. Отсутствуют предпосылки для диверсификации сельской экономики, создания новых рабочих мест, формирования благоприятной институциональной среды, снижения уровня социально-экономических, инфраструктурных диспропорций между городом и селом, согласования стратегических целей их устойчи-

вого взаимоувязанного развития. Во многом благодаря этому в сельском сообществе воспроизводится неравномерность как по уровню имеющихся ресурсов и возможностей, так и по перспективам развития сельского населения. Разные социальные группы отличаются друг от друга не только уровнем доходов, качеством жизни, имеющимися возможностями или лишениями, но и ощущением социального благополучия, восприятием индивидуальной успешности, защищенности от житейских невзгод, готовностью активизировать свой внутренний потенциал.

В период реформ в сельской местности появились такие новые формы жизнеустройства сельского населения как фермерство, самозанятость на базе ЛПХ, ориентированные на частное предпринимательство, в то время как коллективные социохозяйственные уклады были слабо развиты (артели, колхозы, кооперативы). По мнению П. П. Великого и его соавтора, «пребывание в течение тридцатилетнего пореформенного периода в относительно неизменном жизнеустройстве <...> обусловило формирование протореальных статусоподобных групп, адаптировавшихся к своему положению и зачастую осознающих неравенство и даже ущербность своего положения среди других групп» [1, с. 61]. Основной предпосылкой этого стала неравная доступность трудовой занятости для населения сельских территорий.

Социальная реальность современного российского села не позволяет выделить некий общий критерий разграничения социальных групп, ведь социальное положение детерминируется зачастую разными и совершенно несхожими критериями. Анализ типичных подгрупп внутри сельского сообщества свидетельствует о том, что признаки каждой группы индивидуальны, отличаются от признаков других групп и подходят для идентификации только данной группы [2, с. 106]. Каждая типичная группа современного села определяется в социоструктурном смысле специфическим набором признаков, во многом обусловленных спецификой сельской реальности. Работник сельхозорганизации и тот, кто уже вышел на пенсию и стал заниматься товарным ЛПХ, с виду выполняют схожие трудовые функции, однако являются представителями разных социальных групп. Первый – это наемный работник, полностью лишенный права участия в принятии решений организации, зависящий от работодателя и отстраненный от самостоятельного внедрения инноваций в трудовые процессы. Второй является хозяином своего положения, его трудовые, хозяйственно-экономические и социальные функции близки к фермерам. Вместе с тем иные признаки (наличие и состав имущества, имеющиеся ресурсы и возможности, доступность благ) у представителей различных групп могут быть схожими и слабо отличающимися, но они не имеют значимого веса при идентификации социальных групп.

Обзор научной литературы

В отечественной науке сосуществуют разные подходы к изучению особенностей трансформации социальной структуры российского общества и формирования основных социальных групп сельского населения. Представители Новосибирской экономико-социологической школы исследовали трансформационные процессы в постсоветской России, делая особый упор на институциональных, социоструктурных и воспроизводственных аспектах происходящих изменений. Важным направлением социоструктурных исследований является концепция жизнен-

ных шансов, основанная на неовеберианских подходах и последовательно развиваемая коллективом ученых под руководством Н. Е. Тихоновой. Основные постулаты следующие. Жизненные шансы, взятые как со знаком плюс, так и со знаком минус, могут выступать самостоятельным основанием для выделения элементов социальной структуры [3]. Многомерная стратификация россиян с учетом их места в системе неравенств в предложенных жизненных сферах позволяет глубже понять предпосылки формирования факторов благополучия и/или уязвимости жизнедеятельности различных групп населения.

О. И. Шкаратан разработал подход к социальной стратификации постсоветского общества, объясняющий причины масштабного неравенства в стране на основе переплетения доминирующих сословно-слоевых групп с протоклассами, возникающими на основе разделения занятого населения по разным социально-экономическим нишам рынка труда [4]. Преобладающий технико-технологический уклад порождает профессионально-квалификационное разделение труда, детерминируя социально-профессиональную стратификацию и опосредованное рынком труда и системой реального неравенства формирование социальных классов.

Научная школа социологии Республики Татарстан внесла вклад в разработку методологии исследования ресурсного потенциала модернизации села, основанной на сочетании системно-структурного, ресурсного и деятельностного подходов. В исследованиях Ч. И. Ильдархановой ресурсный потенциал социального пространства села выступает комплексным условием расширения модернизационных процессов на сельских территориях. На основе разработки теоретической модели и индикаторов комплексного исследования ресурсного потенциала модернизации села выявлены специфические характеристики основных акторов модернизационных процессов (здоровое социальное самочувствие, ориентации на жизнестойкость и креативность жителей села), ведомственный, кадровый и солидаристский ресурсы, ресурс контролинга, а также межпоколенческий человеческий капитал, коммуникативную и информационную базу домохозяйства, уровень социального благополучия, инновационные ориентации и установки домохозяйств) [5].

Историки полагают, что при анализе трансформации классов современной деревни необходимо руководствоваться сочетанием разных факторов. М. А. Безнин и Т. М. Димони предложили авторский подход к выделению пяти социальных классов в советской деревне, коренным образом отличавшихся между собой по месту в отношениях собственности, объемно-правовому положению, ментально-поведенческим характеристикам. Они выделили пять социальных классов, позволяющих глубже понять направления изменения социальной структуры села после 1991 г. и выявить предпосылки трансформации общественных отношений пореформенного тридцатилетия [6].

Весьма интересный взгляд на социальную структуру локальных сообществ предлагает Ю. М. Плюснин, беря за основу собственные многолетние эмпирические наблюдения, определяющие объективное отражение реальной ситуации. Им разработан подход трехосевой бинарной социальной структуры локального сообщества, предлагающий описывать ее на основании трех координат: 1) степень включенности человека в сообщество; 2) его социальный статус; 3) степень экономической зависимости или независимости от государства [7, с.58–64].

Представленные подходы акцентируют внимание как на поддающихся статистической оценке индикаторах, связанных с занятостью и уровнем доходов, так и на поддающихся эмпирическому изучению субъективных оценок своего материального и социального благополучия в разрезе включенности в локальные сообщества и преобладающих типов отношений в них.

Материалы и методы

Информационной базой исследования являются результаты прикладного социологического исследования «Смыслы и ценности благополучия сельского населения Саратовской области, возможности достижения жизненных целей в местах проживания», проведенного Институтом аграрных проблем РАН в 2023 г. Его главная цель состояла в изучении актуальных социокультурных аспектов повседневной жизни типичных социальных групп сельского населения, обосновании механизмов позитивного влияния традиционных духовно-нравственных ценностей на аграрное производство и жизнеустройство сельских территорий. Объектом исследования стали жители сельских поселений Саратовской области (n=1 215). Выборка – целевая, квотная, пропорциональная социоструктурным критериям, связанным с наличием занятости и ее типом ((фермеры (78 чел., 6,4%); наемные работники сельского хозяйства (189 чел., 15,9%); работники бюджетной сферы (430 чел., 35,8%); неформально занятые в сельском хозяйстве – ведут товарное ЛПХ на продажу и/или для собственного потребления (108 чел., 9,0%); домохозяйки (98 чел., 8,2%); пенсионеры (199 чел., 16,6%); лица трудоспособного возраста, не имеющие оплачиваемой занятости (86 чел., 7,2%)). В составе опрошенных находились 495 мужчин (40,9%) и 715 женщин (59,1%). Среди респондентов – 191 человек в возрасте до 35 лет (16,1%), 303 человека 36–45 лет (25,5%), 468 в возрасте 46–60 лет (39,5%), остальные 224 человека – старше 60 лет (18,9%).

Итак, основной задачей данного исследования являлось изучение социального положения типичных групп современного села на основе объективных критериев (уровень образования, наличие оплачиваемой занятости, тип занятости, уровень среднедушевых денежных доходов). Были проанализированы барьеры для достижения благополучия (имеющиеся материальные затруднения, экономическая депривация). Выявлены субъективные оценки материального благополучия, удовлетворенность различными аспектами собственной жизни и своим социальным положением.

Результаты исследования способствуют расширению понимания социально-экономических, ценностно-нормативных, социокультурных и поведенческих характеристик типичных социальных групп сельского социума, позволяют составить социальный портрет современных сельчан с разными особенностями жизнеустройства в текущих реалиях регионального пространства. Авторский коллектив планирует проведение подобной работы и в будущем с целью получения углубленного анализа и возможности прогнозирования дальнейшего развития систем во взаимосвязи изучаемых параметров.

Результаты исследования

Саратовская область представляет собой типичный аграрный регион Поволжья, имеющий, с одной стороны, сильные позиции по сельскохозяйственному производству, а с другой – невысокий уровень воспроизводства социального потенциала сельских территорий. В 2024 г. в регионе насчитывалось 1 778 сельских поселений, доля обезлюдивших населенных пунктов была ниже, чем в среднем по Приволжскому федеральному округу, и составила около 5,3%. За последние годы структура населенных пунктов сдвинулась в сторону укрупнения (около 59,5% населенных пунктов имели число жителей более 100). Численность сельского населения Саратовской области на начало 2025 г. составляла 549 111 чел. или 23,0% от общей численности населения области. За последние шесть лет население сельских территорий Саратовской области сократилось на 34 590 человек (или на 6,0%).

Длительное время в регионе наблюдается депопуляция: по данным за 2024 г., число умерших в сельской местности (15,6 на 1 000 человек населения) в 2,5 раза превысило число родившихся (5,8 на 1 000 человек). В регионе нарастает естественная убыль сельского населения: если в 2014 г. она равнялась 2,4‰, увеличившись в период пандемии COVID-19 до 10,4‰ в 2020 г. и до 13,5‰ в 2021 г., то в 2025 г. была уже на уровне 9,8‰. Миграционная убыль в 2024 г. составила 2 722 человека. Основываясь на материалах прогнозных расчетов, эксперты утверждают, что снижение численности сельского населения Саратовской области продолжится до 2050 г. в течение всего прогнозного периода [8, с. 10].

Сельское хозяйство – одна из основных отраслей экономики региона. Агропромышленный комплекс Саратовской области специализируется на производстве зерновых культур, технических кормовых культур, овощей и картофеля, молочном и мясном скотоводстве, свиноводстве, овцеводстве, птицеводстве. По объемам произведенной сельскохозяйственной продукции в 2024 г. область заняла 7-е место в целом по РФ, в частности шестое место по валовому сбору зерна, первое – по подсолнечнику, девятое – по сбору овощей закрытого грунта. По данным АККОР в Саратовской области, на начало 2023 г. действовали 3 842 крестьянских (фермерских) хозяйства и 724 сельскохозяйственные организации. На начало 2025 г. в сельском хозяйстве области были заняты 90,2 тыс. человек, т. е. с 2018 г. численность занятых в отрасли сократилась на 30,2%. Уровень занятости сельского населения области составляет 57,3%, что выше среднего по ПФО, а уровень официально зарегистрированной безработицы – 2,8%, что ниже среднероссийского уровня. Среднемесячная заработная плата в сельском хозяйстве региона, по информации Саратовстата, в 2024 г. была равна 56 835 рублей (40 278 рублей в 2020 г.), в производстве пищевых продуктов – 50 823 рубля. Тем не менее, по данным официальной статистики, около 10,6% населения области относятся к малоимущим, это предпоследнее место в ПФО. В 2025 г. среднедушевые денежные доходы жителей области составляли 41 677 рублей (54 671 в среднем по ПФО).

Социальная сфера сельских территорий Саратовской области характеризуется типичными для села проблемами: низкой доступностью и качеством услуг здравоохранения и образования, нехваткой врачей и учителей, работников культуры и спорта, малой эффективностью социальных программ по закреплению молодых специалистов в социальной сфере села. Система сельского здравоохранения обла-

сти включает 8 медицинских организаций (имеющих 24 структурных подразделений в сельской местности), 759 ФАПов. Средняя обеспеченность врачами на 10 000 сельского населения почти наименьшая в ПФО – 5,8 (при средней в ПФО 14,8), обеспеченность средним медицинским персоналом – 34,1 (55,6 в среднем по ПФО), укомплектованность кадрами – 71,8% (при средней 80,4% по ПФО). Обеспеченность койками составляет 8,9 на 10 000 сельского населения (29,4 в среднем по ПФО), уровень госпитализаций – 2,3 (5,5 в среднем по ПФО). В 2024 г. в рамках государственных и региональных программ в селах области трудоустроены 47 врачей и 24 средних медработника. Однако в 2024 г. после окончания пятилетнего срока отработки в сельских медучреждениях Саратовской области остался работать 31 медик (из 401, подписавших контракт с 2018 г.). Около 23,0% медицинских работников – участников программы «Земский врач», «Земский фельдшер» – уволились раньше окончания срока отработки, 28% не вернули полученные от государства денежные средства в полном объеме. На начало 2025–2026 учебного года система сельского образования Саратовской области была представлена 245 сельскими школами, в которых обучались 39 489 учащихся. Однако главной проблемой является малокомплектность сельских школ, из-за чего за последние два года в регионе закрылись более 100 учреждений. Таким образом, большинство социально-экономических проблем сельских территорий Саратовской области типичны для сельской местности современной России и связаны в основном с отсутствием свободных рабочих мест, неразвитостью неаграрных видов деятельности, низким уровнем жизни, слаборазвитой социальной инфраструктурой.

В современном сельском социуме позиции занятости сельских жителей с точки зрения сегментации рынка труда хорошо заметны, хотя и с присущей сельской спецификой. Очевидно, что занятость в бюджетном секторе работников сферы образования, здравоохранения, муниципального управления и культуры относится к первичному сектору и характеризуется высокой квалификацией сотрудников, хорошими условиями труда, возможностями для профессионального роста, социальной значимостью для местного сообщества, более высокой оплатой труда и стабильностью занятости целом. Индивидуальные предприниматели и фермеры в принципе в связи с самостоятельностью экономической деятельности являются частью первичного сегмента рынка труда. Они сами создают рабочие места и ведут бизнес, используя собственные ресурсы и имущество, что отличает их от вторичного сегмента, где работники продают свой труд, используемый в других организациях.

Широко распространенный на селе сектор самозанятости/неформальной экономики охватывает лиц, которые самостоятельно производят товары или услуги, но не всегда вступают в формальные трудовые отношения с другими работодателями или работниками. Именно факт отсутствия формальных отношений занятости и соблюдения трудового законодательства отличает работников неформального сектора, идентифицируя их с вторичным рынком труда, менее защищенным и регулируемым. Сельских самозанятых нельзя однозначно отнести ни к первичному, ни ко вторичному сегментам рынка труда, поскольку этот статус характеризует форму занятости, а не ее место в иерархии рынка. Самозанятые являются независимыми поставщиками услуг, а не работниками в традиционном понимании, и мо-

гут выступать как в качестве самостоятельных предпринимателей (ближе к первичному сегменту), так и в качестве фрилансеров-исполнителей по гражданско-правовым договорам (когда выполняют разовые заказы). В то же время регулярная нестабильность получения заказов в условиях невысокого платежеспособного спроса на селе может «отбрасывать» самозанятых во вторичный сегмент рынка труда. В целом, сельская самозанятость – это форма занятости, которая может существовать в разных сегментах рынка труда, и ее нельзя четко отнести ни к одному из них. Деятельность владельцев личных подсобных хозяйств в основном попадает под определение самозанятости, так как они работают на себя, а не по найму. Однако они не относятся ни к первичному, ни ко вторичному сегментам рынка труда в связи с отсутствием статуса наемных работников или работодателей, производя продукцию для своих нужд или для продажи.

Иными словами, сама сущность социохозяйственного устройства сельской жизни порождает различия в социальной структуре сельского населения с позиций не просто факта наличия занятости, но и ее типа и характера включенности в трудовые отношения. Вид профессиональной деятельности, содержание труда и владение дополнительными навыками (работа на ПК, водительские права, навыки пользования Интернетом, иностранные языки и прочие) обуславливают не только успешность встраивания в хозяйственно-бытовую систему локального сообщества, но и определяют более высокие места в социальной иерархии.

Фермеры

П. П. Великий, сравнивая доходы и стиль жизни фермеров с другими группами сельского социума, делает вывод о том, что нынешние фермеры являются единственной социальной группой села, полноправно претендующей на статус особого класса в социоструктурном измерении на основе критерия владения частной собственностью в масштабах, несоизмеримых со всеми иными группами сельского населения [9]. Важно отметить специфический социально-демографический состав фермеров: во-первых, их представители старше по возрасту по сравнению с другими группами работников аграрного сектора, а, во-вторых, они обладают более высокими характеристиками человеческого капитала. Среди них 60,5% лиц старше 46 лет; удельный вес молодежи до 35 лет минимален – 9,2% при средней величине по выборке 16,1%. Фермеры характеризуется высоким уровнем образования – в их составе около 51,9% лиц с высшим образованием (при среднем значении по выборке 25,7%) и еще 32,5% имеют среднее профессиональное образование; фактический срок обучения из всех рассматриваемых групп у них также максимальный (13,9 при средней величине 12,42).

Материальное положение фермеров отличается от других групп сельчан, во-первых, по причине различий в типе занятости (предпринимательская деятельность в сравнении с наемным трудом и неформальной занятостью), а во-вторых, из-за независимости и самостоятельности в выборе специализации деятельности, интенсивности, режима труда, детерминирующих уровень доходов от занятости. В составе фермеров около 42,9% имеют высокие по меркам современного села доходы (более 29 000 рублей в месяц или двух величин прожиточного минимума на человека при среднем значении по выборке 15,8%), среди них минимальная доля малообеспеченных (с доходами ниже величины прожиточного минимума – 9,1%

при средней величине 36,6%) (см. табл. 1). Около 41,6% фермеров указывают на то, что материально живут комфортно (при среднем значении по выборке 18,2%). В их составе почти треть тех, кто заявил об отсутствии экономической депривации, рассматриваемой как невозможность удовлетворения тех или иных потребностей по финансовым причинам (33,8% при средней величине 22,7%) (см. рис. 1). Из наиболее значимых «лишений» 61,5% фермеров указали на невозможность провести свой досуг так, как им хочется, хотя здесь особое значение имеют специфические предпочтения относительно «желаемого» досуга (см. табл. 3). Социально-экономическое неравенство среди представителей сельских сообществ проходит не только по линии материального положения, но и потребительских практик, которые у фермеров отличаются разнообразием, вариативностью, импульсивностью покупок и изменчивостью предпочтений во времени, что значительно отличает их от остальных групп сельчан.

Таблица 1

Уровень доходов сельского населения по отношению к величине прожиточного минимума на момент исследования (% от соответствующей группы)

Table 1

Income level of the rural population in relation to the subsistence minimum at the time of the study (% of the corresponding group)

Уровень доходов	Фермеры	Ведут товарное ЛПХ	Домохозяйки	Не имеют официальной занятости	Пенсионеры	Работники бюджетной сферы	Наемные работники сельского хозяйства	Среднее по выборке
до 1 ВПМ (до 15 000 руб./месяц)	9,1	42,1	59,4	53,6	48,5	27,9	32,4	36,6
1-1,5 ВПМ (15 000–21 500 руб./месяц)	20,8	32,7	21,9	29,8	37,8	33,5	31,4	31,7
1,5-2 ВПМ (21 500–29 000 руб./месяц)	27,3	7,5	8,3	10,7	8,2	21,5	17,6	15,8
2-2,5 ВПМ (29 000–36 000 руб./месяц)	16,9	6,5	4,2	3,6	4,1	9,6	9	8,0
более 2,5 ВПМ (более 36 000 руб./месяц)	26,0	11,2	6,3	2,4	1,5	7,5	9,6	7,8

Источник: рассчитано автором по результатам социологического исследования

Среди фермеров – максимальные доли имеющих разнообразное имущество, технику, оборудование. Земельные паи имеют 48,0% из них (при среднем значении 21,7%), легковые (82,7% при средней величине 54,9%) и грузовые автомобили (37,3% при среднем значении 4,6%), тракторы и другую сельхозтехнику (45,3% при средней величине 9,5%). Около 65,7% фермеров используют имеющуюся землю для производства и продажи сельхозпродукции (при среднем значении по выборке 13,8%), еще 20,0% сдают ее в аренду сельхозпредприятиям, остальные 14,3% используют землю исключительно для семейных нужд.

Сельские фермеры отличаются от других социальных групп сельчан высокой эмоционально-психической стабильностью и характеризуются наивысшим уровнем удовлетворенности всеми аспектами своей жизни, особенно отношениями в семье, собственными достижениями, материальным положением и жизнью в целом (см. табл.2). Иными словами, фермеры обладают наивысшим потенциалом

благополучия и успешности на селе. Совокупность имеющихся ресурсов и возможностей, сложившийся социальный статус в локальном сообществе позволяют им чувствовать себя довольно комфортно. Фермеры ориентированы на личные достижения, успех и самостоятельность в хозяйствовании, которые в совокупности с инициативностью, склонностью к риску и умению договариваться позволили им «сформироваться» в специфический класс сельского социума.

Таблица 2

Уровень удовлетворенности сельских жителей различными аспектами своей жизни, среднее значение по 10-бальной шкале

Table 2

Level of satisfaction of rural residents with various aspects of their lives, average value on a 10-point scale

Аспекты удовлетворенности	Фермеры	Ведут товарное ЛПХ	Домохозяйки	Не имеют официальной занятости	Пенсионеры	Работники бюджетной сферы	Наемные работники сельского хозяйства	Среднее по выборке
работой	7,86	6,41	4,92	4	5,86	7,1	6,75	6,65
отношениями в семье	9,03	8,19	8,77	7,44	8,16	8,7	8,33	8,43
материальным положением	7,45	5,91	5,24	5,01	4,96	5,83	5,7	5,67
отношениями с окружающими	7,74	7,7	7,84	7,07	7,3	8,06	7,61	7,73
своим местом в жизни и достижениями	7,97	6,76	6,8	6,16	6,73	7,39	6,92	7,03
жизнью в целом	8,33	7,21	7,54	6,86	7,1	7,81	7,24	7,48
проведением досуга	7,79	6,39	6,61	6,16	6,75	6,52	6,32	6,57

Источник: рассчитано автором по результатам социологического исследования

Самозанятые аграрные работники

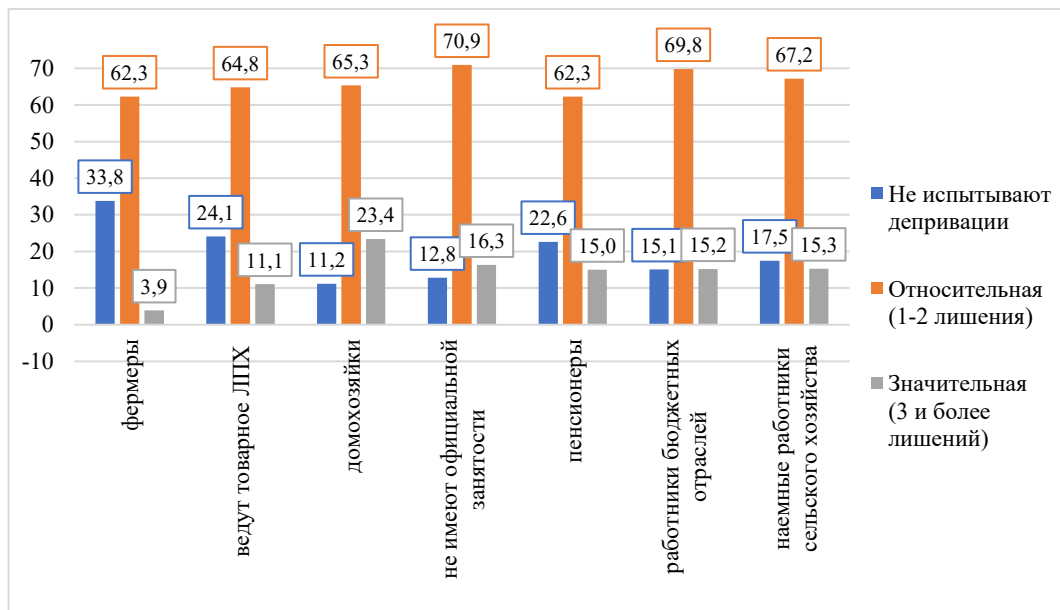
В условиях отсутствия свободных рабочих мест сельчане находят в наличии личного хозяйства больше преимуществ. Сравнивая выгоды и издержки трудового отходничества, маятниковой миграции в города на основе занятости на промышленных предприятиях, в строительной и транспортной отраслях, они выбирают товарное ЛПХ. Эта работа близка с детства, понятна, относительно надежна, поэтому имеет перспективу воспроизводства в условиях сельской местности. Эксперты отмечают, что домохозяйства, успешное жизнеустройство которых обусловлено активизацией своего человеческого потенциала – трудового прилежания, настойчивости, полипрофессионализма и крестьянской смекалки – являются примером для подражания местным жителям [10].

Представители группы занятых товарным ЛПХ значительную часть продукции продают, что обеспечивает им относительно регулярный доход, нередко более высокий, чем у занятых в фермерском хозяйстве и ООО. В их составе около 59,4% мужчин и 40,6% женщин. Около 27,8% из них имеют высшее образование, еще 30,6% – среднее профессиональное, 16,7% – начальное профессиональное. Каждый четвертый (25,0%) профессии не имеет. Большинство из них люди старшего возраста

(50,0% составляют 46–60-летние и 3,8% – старше 60 лет), около 37,5% в возрасте от 31 до 45 лет.

В их составе выше среднего по выборке удельный вес малоимущих (42,1% при средней 36,6%), еще 32,7% имеют среднедушевые денежные доходы чуть выше величины прожиточного минимума (см. табл. 1). Лишь 11,2% из них получают относительно высокие доходы (более 36 000 руб.), позволяющие условно отнести samozанятых к группе успешных хозяев. Около 14,0% из них указали на то, что имеют доходы от 1,5 до 2,5 величин прожиточного минимума на члена семьи в месяц. Субъективная самооценка собственного материального благополучия комфортная лишь для 18,7%, 58,9% в целом со своими расходами справляются, в то время как 22,4% живут материально трудно и очень трудно.

Степень экономической депривации оценивалась через ответ на вопрос: «Была ли у вас ситуация за последние 12 месяцев, когда из-за нехватки денег вы не могли себе позволить удовлетворить какие-либо первоочередные нужды?». Количество ответов суммировалось, на основании чего выделялись группы по количеству лишений.

Рис. 1. Экономическая уязвимость сельских домохозяйств, измеряемая через степень экономической депривации (% от соответствующей группы)

Fig. 1. Economic vulnerability of rural households measured by the degree of economic deprivation (% of the corresponding group)

При этом только 24,1% заявили, что не испытывали трудностей и лишений из-за нехватки денег (при средней величине 18,3%) (см. рис. 1); 33,7% представителей данной группы периодически задерживают оплату услуг ЖКХ, еще 46,1% не могут провести свой досуг так, как хотели бы (см. табл. 3). Около 52,8% признались в том, что все время на чем-то экономят, причем чаще остальных групп односельчан. Их практики повседневного потребления отличаются более низкостатусным потреб-

лением, характеризующимся типичностью, устойчивостью во времени и привычным однообразием.

Таблица 3

Характер депривации сельских жителей (% от соответствующей группы)
Table 3

The nature of deprivation of rural residents (% of the corresponding group)

Аспекты	Фермеры	Ведут товарное ЛПХ	Домохозяйки	Не имеют официальной занятости	Пенсионеры	Работники бюджетной сферы	Наемные работники сельского хозяйства	Среднее по выборке
не имели две пары прочной обуви по сезону	4,6	12,2	16,5	15,2	10,8	13,7	15,9	13,1
не могли позволить есть мясо или рыбу через день	3,1	7,8	7,7	16,5	14,8	12,4	11,0	11,5
не имели необходимой одежды по сезону	3,1	4,4	12,1	11,4	8,0	9,3	11,6	8,9
не могли обеспечить достаточное тепло в доме	1,5	7,9	3,3	6,3	5,7	4,4	3,7	4,7
не могли покупать подарки близким хотя бы раз в год	9,2	14,6	25,3	15,2	25,0	21,9	25,0	21,4
задерживали оплату услуг ЖКХ, выплаты по кредитам	9,2	33,7	41,8	34,2	23,3	27,3	39,0	29,9
не могли встретиться и посидеть с родственниками, друзьями	1,5	4,5	9,9	7,6	12,0	11,6	6,7	9,1
не имели достаточно еды, чтобы наесться	0	0	3,3	6,3	2,3	0,3	1,8	1,5
не могли купить нужных лекарств, получить лечение	1,5	6,7	4,4	2,5	16,0	5,7	6,7	7,1
не могли удовлетворить основные потребности, не влезая в долги	1,5	10,1	23,1	8,9	16,0	18,3	9,8	14,5
не могли провести свободное время как хотели бы	61,5	46,1	34,1	34,2	34,9	38,4	36,6	39,0

Источник: рассчитано автором по результатам социологического исследования

По наличию и составу имеющегося имущества владельцы товарного ЛПХ близки к фермерам, хотя меньшего по размеру. Около 46,7% из них держат коров (в среднем 5 голов), 41,9% – мелкий скот, 58,7% – птицу (в среднем 27 голов). Земельный пай имеют 22,0%, средний размер которого составляет 16 га. Каждый пятый имеет трактор (21,0%), 31,4% – различную сельхозтехнику, 5,7% – грузовую машину.

Около 59,1% из имеющих пай сдают его в аренду (в основном фермерам, малую часть сельхозпредприятиям), при этом 31,8% из них используют землю для нужд семьи и только 9,1% для производства и продажи сельхозпродукции.

Таким образом, являясь по сути своей деятельностью фермерами-предпринимателями, хозяева сельских подворий не спешат приобрести соответствующий официальный статус. Подобная позиция владельцев товарного ЛПХ уходит своими корнями в менталитет крестьянства, которые работают не для богатства, а для самообеспечения. Им чужды ценности погони за прибылью, риска и конкуренции, а их потребности замыкаются на собственные семьи, локальное окружение и благополучие сельского социума в целом. Тяжесть физического труда и высокие временные издержки служат причиной низкой удовлетворенности собственной работой. Сельчане, занятые товарным ЛПХ, больше остальных довольны своими отношениями с окружающими, а меньше – работой и местом в жизни (см. табл.2).

Наемные работники сельского хозяйства

Наемные работники сельского хозяйства являются достаточно разнородной группой. При общей схожести с сельскими работниками бюджетных отраслей в виде наличия официального трудоустройства они все же отличаются от работников «умственного» труда по многим характеристикам: уровню накопленного человеческого капитала, профессионально-квалификационным параметрам, возможностям саморазвития, степени вовлеченности в принятие решений по месту занятости. Образ наемного работника в глазах сельских жителей имеет достаточно негативный оттенок. З. И. Калугина отмечала, что сельские жители характеризуют наемный труд как подневольный: «Пашешь как батрак», «Батрачим на чужого дядю, хозяина, испытывая при этом унижение и тягость» [11, с. 109]. Формирование негативного образа наемного работника связано с ухудшением самочувствия и неудовлетворенностью собственным положением значительной доли сельских жителей, которые привыкли работать в коллективных хозяйствах, где ощущали себя равноправными членами коллектива

Современная реальность такова, что оплачиваемая занятость для этой категории сельчан является безальтернативной, они держатся за нее, сознавая, что иные возможности занятости в местах проживания попросту отсутствуют. Потеря работы для них станет фактором снижения жизненного благополучия и перехода домохозяйства в категорию социально уязвимых. С другой стороны, они ощущают себя «безвластными» в местном сообществе, зависимыми от работодателя (чаще всего фермера) и не имеют возможности для улучшения своего материального благополучия за пределами сельского хозяйства.

Представители данной группы более молодые по возрасту, в их составе 18,8% лиц в возрасте до 35 лет и 34,9% – от 36 до 45 лет. Они характеризуются высокой долей лиц с начальным профессиональным образованием (21,7% при среднем значении 16,8%), а также работников без профессионального образования (25,9% при средней величине 22,5%). Отстраненность наемных работников от процесса управления напрямую определяет характер показателей материального положения и ресурсной обеспеченности. Около 32,4% представителей этой когорты имеют среднедушевые доходы, близкие к величине прожиточного минимума, еще 31,4% – от одного до полутора прожиточных минимумов (15 000–21 500 руб. в месяц) (см. табл.1). Вы-

сокодоходных представителей в рассматриваемой группе немного: доход более двух прожиточных минимумов на человека в месяц получают 18,6%; лишь 8,5% сообщили о том, что живут материально комфортно (при среднем значении 18,2%), в то время как 26,5% считают, что живут материально трудно. Около 44,4% из них были вынуждены экономить на текущих расходах за последнее время.

Наемные работники отрасли характеризуются более низкими показателями наличия и состава личного подсобного хозяйства, играющего второстепенную роль в условиях получения регулярного дохода, потребительского характера производства и отсутствия свободного времени. Они содержат свое ЛПХ, скорее мелкое по размеру, ориентированное на выращивание овощей и фруктов, только 29,6% держат коров (в среднем 2 головы), около 26,9% – мелкий скот. В их составе всего 22,9% имеют земельный пай, из которых 72,1% сдают его в аренду (53,5% сельхозорганизациям и 18,6% фермерам), еще 25,6% используют землю для нужд семьи и только 2,3% – для продажи произведенной продукции. Основные стратегии улучшения их материального благополучия связаны с дополнительной нагрузкой по работе: около 33,9% из них используют любые возможности разовых или случайных подработок, 13,4% работают сверхурочно на основной работе, еще 10,2% по совместительству в разных местах.

Значительная часть представителей данной группы подвержена экономической депривации, связанной в основном с задержкой оплаты услуг ЖКХ (39,0%), с покупкой подарков близким (25,0%), с приобретением необходимой обуви (15,9%) и одежды по сезону (11,6%) (см. табл. 3). Около 11,0% из них указали на нехватку денег для полноценного питания (при средней величине 8,5%). Потребление наемных работников отрасли характеризуется типичностью, устойчивостью во времени и привычным однообразием, главным образом из-за низких материальных возможностей, что является маркером их невысокого социального статуса.

Наемные работники сельского хозяйства отличаются низкой удовлетворенностью собственным материальным положением, своими достижениями и местом в жизни, возможностями проведения досуга (см. табл. 2). Абсолютное большинство из них в своих ответах указывает на опасения потери работы и дохода, около 86,2% волнует нестабильность доходов; рост цен и тарифов на услуги ЖКХ беспокоят 91,3% представителей этой группы, 69,4% опасаются потерять свое хозяйство. Для них характерен высокий уровень тревожности, эмоционально-психологический дискомфорт, слабая уверенность в завтрашнем дне (точнее неопределенность будущего). При этом 62,0% из них полагают, что не смогут повлиять на принятие решений в своей организации.

Итак, группа наемных работников сельского хозяйства, являясь по формальным критериям успешной на селе по причине наличия официальной занятости, по субъективным ощущениям характеризуется признаками индивидуальной уязвимости. Они считают свое материальное положение нестабильным, а возможности и перспективы – неясными и противоречивыми. Глубинная причина этого связана с утратой в сельскохозяйственном производстве института восходящей мобильности.

Сельские работники бюджетной сферы

В структуре сельской занятости важнейшую роль играет сфера бюджетных услуг, в которой примерно заняты от 6 до 26% в зависимости от того, какой набор учреждений расположен в пределах сельского поселения [12, с. 78]. Ю. М. Плюснин на материалах своих наблюдений доказывает, что доля «бюджетников» в составе занятого трудоспособного населения составляет от одной пятой до одной третьей всего экономически активного населения сельского общества [7, с. 375].

Основную группу сельских бюджетников представляют работники всех государственных и муниципальных учреждений (образования и науки, здравоохранения и социального обеспечения, культуры и спорта), включая местную администрацию и территориальные органы государственной власти. Они получают фиксированную зарплату, поощрения и вычеты мало зависят от трудового усилия работника. Однако работа в бюджетной сфере – самая желанная для сельских жителей, поскольку дает стабильную занятость и оплату труда без сезонных колебаний. Между тем эксперты констатируют, что «бюджетники» на рынке труда сталкиваются с системой внешних структурных ограничений, связанных с местом проживания, в результате чего профессионалы в сельской местности составляют свыше половины находящихся за чертой бедности представителей данной группы (на конец 2021 г. – около 47,0%) [13, с. 291]. Причина тому – высокая дифференциация зарплат по типам поселений.

Согласно полученным нами данным, большинство сельских бюджетников представлено женщинами (73,2%), многие из них имеют высокий уровень образования (43,3% высшее и 40,3% среднее профессиональное), более половины можно отнести к старшим возрастным группам (48,6% в возрасте 46–60 лет и 7,3% старше 60 лет). Молодежи до 30 лет в их составе всего 8,3%, лиц в возрасте 31–45 лет – 35,8%.

Материальное положение этой группы весьма устойчиво, среди ее представителей низка доля малоимущих по сравнению с иными группами. Около 17,1% имеют высокие доходы (более 2 ВПМ или 29 000 руб. в месяц), еще 21,5% – от 1,5 до 2 ВПМ (21 500–29 000 руб. в месяц) (см. табл. 1). Примерно 60,1% сообщили, что финансово с текущими расходами справляются, еще 11,6% считают, что живут материально хорошо, обеспеченно. Тем не менее в составе бюджетников 69,8% испытывают относительную депривацию (см. рис. 1), которая в основном связана с невозможностью встретиться друзьями, родственниками по праздникам и иметь желаемый досуг (см. табл. 3).

Владеют своим подсобным хозяйством, состоящим из приусадебного участка для выращивания овощей и фруктов, около 71,4% сельских работников бюджетной сферы. Их ключевое отличие от остальных групп – в том, что они почти не держат скотину, а если и имеют, например, птицу, то в количестве двух-трех десятков, и только для себя. Почти каждый пятый из сельских бюджетников сохранил земельный пай, который 37,8% сдают в аренду фермерам, 35,4% – сельхозпредприятиям, остальные 26,8% используют для нужд собственной семьи.

Представители данной группы характеризуются достаточно высоким социальным положением в локальном сообществе по сравнению с другими группами сельчан, во многом обусловленным стабильностью их занятости и доходов. Все группы сельчан считают уровень достатка работников бюджетных отраслей максимальным

среди остальных (кроме фермеров). Кроме того, работники бюджетной сферы обладают высоким уровнем удовлетворенности различными аспектами своей жизни: работой, отношениями с окружающими, достижениями, жизнью в целом (см. табл. 2). Исходя из сказанного, констатируем: сельские бюджетники являются материально и социально успешными по меркам локального сообщества, они авторитетны и высоко мотивированы. Их представители – наиболее активные участники общественной деятельности на благо своего поселения и демонстрируют высокую готовность ее расширения, что объясняется как ценностно-смысловой значимостью благополучия ближайшего окружения, так и индивидуальной мотивацией изменить жизнь к лучшему.

Сельские жители, не имеющие официальной занятости

Эта группа сельских жителей представлена двумя подгруппами: во-первых, сельчанами, которые занимаются ведением домашнего хозяйства, воспитанием детей и уходом за другими членами семьи (в основном женщины-домохозяйки); во-вторых, лицами, которые, не имея официальной оплачиваемой занятости, выживают за счет нерегулярных подработок и своего подсобного хозяйства. Главное отличие их от других групп – отсутствие официального трудоустройства и, соответственно, социальных гарантий и выплат.

Группа домохозяек на 88,8% состоит из женщин, 69,4% из них в возрасте до 45 лет. У многих высокий уровень образования (20,6% – высшее и 42,3% – среднее профессиональное), еще у 13,4% – начальное профессиональное, оставшиеся 22,8% не имеют профессии. Одного несовершеннолетнего ребенка растят 33,7%, 24,5% – двоих детей, 13,3% – троих и более детей; остальные 28,6% имеют детей старше 18 лет. В составе группы максимальная доля малоимущих (59,4% при средней величине 36,6%), что обусловлено как отсутствием оплачиваемой занятости, так и высокой иждивенческой нагрузкой. Еще 21,9% получают доходы немного выше прожиточного минимума (от 15 000 до 21 500 руб. на человека в месяц), лиц со средними доходами в 2 раза меньше, чем в среднем по выборке (8,3% при среднем показателе 15,8%) (см. табл. 1). При этом около 57,1% из опрошенных указали на то, что при таких доходах в целом справляются с обеспечением своей семьи, но 28,6% живут трудно.

Представители данной группы сильно депривированы: для 65,3% свойственно 1–2 лишения, 23,4% – 3 и более лишений (см. рис. 1). Около 16,5% из них не могут обеспечить себя обувью по сезону; 12,1% – позволить себе необходимой одежды. Около 23,1% не могли удовлетворить основные потребности без долгов; 41,8% задерживали оплату услуг ЖКХ (см. табл. 3). 43,9% из них заявили, что за последние 2–3 года стали больше экономить, хотя 44,9% и так все время на чем-то экономили. Подобные факты значимы, ибо эти женщины занимаются воспитанием детей, формированием человеческого капитала современного села, и в то же время являются одной из наиболее экономически депривированных групп сельского сообщества. Основные стратегии улучшения материального благополучия сосредоточены вокруг своего ЛПХ: 46,9% обеспечивают себя собственными продуктами питания, 12,5% продают излишки продукции, 16,7% имеют долги, еще 15,6% получают помощь от родственников. Напрашивается вывод о том, что сельские женщины-домохозяйки представляют собой одну из самых социально уязвимых категорий на селе, однако они характеризуются сильными семейными ценностями и идеалами патри-

отизма, гражданственности, высокой социальной ответственностью, что обусловлено отсутствием сферы индивидуальной и профессиональной самореализации (кроме родительской).

Отдельно следует выделить социальную группу неработающих сельчан, состоящих как из тех, кто временно не работал и не планировал работать (46,3%), так и тех, кто находился в поисках работы (53,7%). В их составе значительна доля молодежи до 30 лет – 18,8% (при средней величине по выборке 8,4%), мужчин и женщин приблизительно поровну (51,2% – мужчин и 48,8% – женщин). Среди них весомая доля лиц с высоким уровнем образования (18,6% – с высшим и 24,4% – со средним профессиональным), 31,4% вообще не имеют профессии, а только среднее общее образование и ниже (при среднем показателе по выборке 19,5%).

Важно отметить, что в составе исследуемой группы сельчан есть те, кто работает неформально. Сюда относятся сельские жители, по сути являющиеся самозанятыми, но без официального оформления, выживающие за счет выполнения разных, часто разовых, работ/услуг для односельчан. Это широкий круг неформальной занятости сельского населения, являющейся адаптационной стратегией жизнеустройства в условиях тотального отсутствия свободных рабочих мест и узости сфер приложения труда (ремонт техники и оборудования, частный извоз, строительство, сельскохозяйственные работы и прочие). Остальная часть представителей данной группы – типичные экономически неактивные граждане – самая обездоленная и уязвимая социальная группа на селе, и в то же время наиболее социально пассивная.

В составе неработающих сельчан удельный вес малоимущих гораздо выше среднего по выборке (53,6% и 36,6% соответственно), еще 29,8% имеют среднедушевые ежемесячные денежные доходы немного выше величины прожиточного минимума (см. табл. 1). Однако даже в таком нелегком положении 40,7% респондентов заявили о том, что они справляются с ежедневными расходами, еще 43,0% материально живут трудно (при средней величине 24,9%), 7,0% – очень трудно (4,6%). Примерно у 70,9% представителей данной группы высокий уровень депривации (от 2 до 4 лишений): около 15,2% из них не имеют необходимой обуви по сезону, 11,4% – нужной одежды, 16,5% не могут позволить себе употреблять мясо, рыбу по медицинским нормативам (см. табл. 3). Еще 6,3% из них неспособны обеспечить в достаточной мере тепло в доме, а 6,8% не имеют достаточно еды, чтобы утолить голод. Основными путями выхода из своего материального неблагополучия они считают временные и разовые приработки (38,1%), долги и кредиты (17,9%), помощь родственников (14,3%). Каждый девятый из них полагает, что ничего не может сделать для улучшения собственного благополучия (10,7%). В целом главной особенностью группы неработающих сельчан является то, что это совокупность неустroенных лиц, по разным причинам не нашедших свое место в жизни. Они характеризуются как минимальными показателями индивидуального человеческого капитала (уровнем образования, стажем работы, эпизодами оплачиваемой занятости), так и слабыми социальными установками и положением в обществе. Они апатичны, пессимистичны, не сильно мотивированы, обладают невысоким адаптационным потенциалом.

Сельские пенсионеры

В составе пенсионеров около 73,2% женщин, 84,3% лиц старше 60 лет, 54,1% имеют высокий уровень образования, 18,0% – начальное профессиональное, остальные 27,8% – не имеют профессии вообще. Среди них высок удельный вес малоимущих (48,5% при среднем показателе 36,6%), еще 37,8% имеют среднедушевые денежные доходы до 1,5 ВПМ (от 15 000 до 21 500 руб. в месяц) (табл. 1). Только 58,6% указали на то, что материально справляются с текущими расходами, а более 31,3% отметили, что живут трудно (при средней величине 24,9%). Важно уточнить, что 14,8% из них не удовлетворены набором продуктов, которые они могут включить в рацион питания, 16,0% не могут себе позволить покупать нужные лекарства (при среднем показателе 7,1%), 25,0% не имеют средств, чтобы покупать подарки близким, а еще 12,0% – встречаться с родственниками или друзьями по праздникам. Около 41,2% заявили, что стали экономить в последние 2–3 года, при том, что 42,6% вынуждены постоянно на чем-то экономить. Пути улучшения такого материального положения, по мнению сельских пенсионеров, весьма ограничены: 20,4% считают, что ничего не могут сделать для его улучшения (при средней величине 7,5%), около 13,3% вынуждены регулярно занимать деньги (при среднем показателе 11,4%). Таким образом, сельские пенсионеры представляют собой социальную группу людей, серьезно ощущающих индивидуальную уязвимость, обусловленную как реально низким уровнем жизни и слабыми возможностями улучшения своего материального положения, так и невысоким социальным самочувствием, плохим здоровьем, низкой социальной активностью. Для них характерна низкая удовлетворенность всеми аспектами жизни, особенно собственным материальным положением (см. табл.2). Специфические возрастные особенности здоровья и жизнедеятельности требуют от пенсионеров пересмотра структуры расходов (на питание, лекарства, средства по уходу), при этом структура их доходов остается неизменной.

Заключение

Проведенное исследование свидетельствует о том, что воспроизводственный потенциал сельских сообществ хотя и ослаблен, но еще существует. Разные социальные группы села формируются, развиваются и репродуцируются в зависимости не только от объективных условий своего существования (реальных экономических и социальных условий в местах проживания), но во многом и благодаря субъективным, внутренне детерминированным характеристикам. Решающее значение для выбора вариантов жизнеустройства имеют индивидуальные смысловые ориентиры, социальные потребности, предпочтения и установки, особенности мотивационно-достиженческих и активно-деятельностных оснований современных сельчан.

Каждая социальная группа, выделенная по критерию наличия занятости и ее типу, неоднородна и включает несколько подгрупп с разными показателями адаптационных возможностей и ресурсов саморазвития. Здесь есть и представители, успешно встроившиеся в современные условия и сумевшие найти индивидуальные ниши для эффективной жизнедеятельности, и оказавшиеся в сложных условиях уязвимости и балансирования на грани выживания. Дефицит ресурсов и отсутствие альтернативных возможностей обеспечения жизненного благополучия кон-

сервируют установки тревожности, обуславливают низкую стрессоустойчивость и беспокойное отношение к рискам и угрозам. Значительная часть сельских сообществ, не сумевших найти в локальном социуме «ниши» для самореализации и достижения индивидуальных целей благополучия, ориентирована на пассивное приспособление к жизненным обстоятельствам, минимизацию потребностей, упрощение реальности как способ преодоления жизненных трудностей. Формирование такой прослойки сельчан, социально пассивных и низко мотивированных на коллективные действия по улучшению среды обитания, является серьезным социальным ограничением устойчивого развития сельских территорий. Для преодоления подобных противоречий необходим комплексный подход, связанный, с одной стороны, с формированием экономических и институциональных условий для повышения уровня и качества жизни сельского населения, а с другой – с расширением механизмов стимулирования участия населения в реализации возможностей в соуправлении.

Полученные результаты по итогам научного анализа способствуют поиску направлений и резервов устойчивого развития сельских территорий России. Особое значение здесь имеют не только традиционные социально-демографические, образовательные, профессионально-квалификационные критерии, но и индивидуальные, субъективно обусловленные социокультурные, ценностно-смысловые и мотивационно-достиженческие особенности типичных социальных групп села. Эти результаты будут способствовать реализации механизмов согласования индивидуальных целей развития различных групп сельского населения с интересами устойчивого развития АПК и сельских территорий, что позволит выявить факторы и резервы экономического роста нашей страны.

Список литературы

1. Великий, П. П. Современная российская деревня: актуальные проблемы и их отражение в аграрной социологии / П. П. Великий, А. А. Вялышина // Социологические исследования. 2025. № 1. С. 53–69. DOI [10.31857/S0132162525010068](https://doi.org/10.31857/S0132162525010068). EDN [ICJDC](https://www.edn.ru/ICJDC).
2. Шкаратан, О.И. Выделение реальных (гомогенных) социальных групп в российском обществе: методы и результаты / О. И. Шкаратан, Г. А. Ястребов // Прикладная эконометрика. 2007. № 3 (7). С. 95–118. EDN [IANGPD](https://www.edn.ru/IANGPD).
3. Общество неравных возможностей: социальная структура современной России / Н. Е. Тихонова, С. В. Мареева, В. А. Аникин [и др.]. Москва : Издательство «Весь Мир», 2022. 422 с. ISBN 978-5-7777-0873-1. DOI [10.55604/9785777708731](https://doi.org/10.55604/9785777708731). EDN [XJGBFE](https://www.edn.ru/XJGBFE).
4. Шкаратан, О. И. Социология неравенства. Теория и реальность. Москва : Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2012. 526 с. ISBN 978-5-7598-0913-5. EDN [VRKUDD](https://www.edn.ru/VRKUDD).
5. Ильдарханова, Ч. И. Модернизация российского села как социокультурный феномен: методологические основы анализа // Вестник Удмуртского университета. Серия Социология. Политология. Международные отношения. 2017. Т. 1, № 2. С. 132–140. EDN [ZCJTVN](https://www.edn.ru/ZCJTVN).
6. Безнин, М. А. Аграрный строй России 1930–1980-х годов : монография / М. А. Безнин, Т. М. Димони. Москва : Ленанд, 2014. 608 с. EDN [YFHXLX](https://www.edn.ru/YFHXLX).
7. Плюснин, Ю. М. Социальная структура провинциального общества. Москва : Common Place, 2022. 448 с. ISBN 978-5-6046947-6-3. EDN [EJVYHA](https://www.edn.ru/EJVYHA).
8. Блинова, Т. В. Сценарное прогнозирование численности сельского населения Саратовской области / Т. В. Блинова, С. Г. Былина // Социальное пространство. 2021. Т. 7, № 3. DOI [10.15838/sa.2021.3.30.5](https://doi.org/10.15838/sa.2021.3.30.5). EDN [ZDSMCL](https://www.edn.ru/ZDSMCL).

9. Великий, П. П. Фермерство – (не)укоренившаяся социальная группа: постановка проблемы // Социологические исследования. 2024. № 5. С. 79–88. DOI [10.31857/S0132162524050064](https://doi.org/10.31857/S0132162524050064). EDN [ККСАСА](https://www.edn.ru/entry/10.31857/S0132162524050064).

10. Великий, П. П. Повседневность российского села в начале XXI века. Саратов : Издательство «Саратовский источник», 2020. 307 с. ISBN 978-5-6044120-7-7. EDN [QFLCVU](https://www.edn.ru/entry/10.31857/S0132162524050064).

11. Калугина, З. И. Рыночная трансформация аграрного сектора России : Социологический дискурс. Новосибирск : Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, 2015. 342 с. ISBN 978-5-89665-290-8. EDN [TTXCNX](https://www.edn.ru/entry/10.31857/S0132162524050064).

12. Аверкиева, К. В. Структура занятости сельского населения в Центральном Черноземье / К. В. Аверкиева, Д. Ю. Землянский // Вестник Московского университета. Серия 5: География. 2016. № 2. С. 75–81. EDN [WJDAJV](https://www.edn.ru/entry/10.31857/S0132162524050064).

13. Человеческий капитал российских профессионалов: состояние, динамика, факторы / Н. Е. Тихонова, Ю. В. Латов, Н. В. Латова [и др.]. Москва : Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, 2023. 488 с. ISBN 978-5-89697-420-8. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-420-8.2023](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-420-8.2023). EDN [XFSFHH](https://www.edn.ru/entry/10.31857/S0132162524050064).

Сведения об авторе

Вяльшина Анна Александровна, кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт аграрных проблем ФИЦ СЦ РАН (Федеральный исследовательский центр «Саратовский научный центр Российской академии наук»), Саратов, Россия.

Контактная информация: email: anvyal@mail.ru; ORCID ID: [0000-0001-6723-5961](https://orcid.org/0000-0001-6723-5961); РИНЦ SPIN-код: [1069-0031](https://www.rincc.ru/spin/1069-0031); Web of Science Researcher ID: [V-5999-2018](https://orcid.org/V-5999-2018).

Статья поступила в редакцию 19.01.2026; принята в печать 16.03.2026.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

SOCIOSTRUCTURAL DIFFERENTIATION OF RURAL POPULATION IN RUSSIA: EMPLOYMENT OPPORTUNITIES AND FACTORS AFFECTING WELL-BEING

Anna A. Vyalshina

Institute of Agrarian Problems, Federal Research Center “Saratov Scientific Center RAS”, Saratov, Russia

E-mail: anvyal@mail.ru

For citation: Vyalshina, A. A. Sociostructural Differentiation of Rural Population in Russia: Employment Opportunities and Factors Affecting Well-Being. *DEMIS. Demographic Research*. 2026. Vol. 6, No. 2. Pp. 168–187. DOI [10.19181/demis.2026.6.2.10](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.2.10). (In Russ.)

Abstract. This paper examines the current social and economic aspects of the daily lives of typical social groups in rural areas. Based on empirical research and publications by Russian sociologists, this paper analyzes and identifies the characteristic social and structural features of the main social groups in rural areas. It also presents the results of an applied sociological study conducted by the Institute of Agrarian Problems of the Russian Academy of Sciences in 2023. The study involved residents of rural areas in the Saratov Region (n=1,215). The sample was targeted, quota-based, and proportional to social and structural criteria related to the presence and type of employment. The primary objective of the study was to identify and substantiate mechanisms for the positive impact of local communities' social and cultural resources on agricultural production and rural life. Objective differences in the living standard and life quality for different rural groups, depending on the presence and type of employment, are analyzed, and subjective foundations and prerequisites for life activity that determine the successful achievement of well-being are identified. The study's results suggest

the existence of a specific combination of social and structural criteria for each social group in the modern village, conditioned by the local characteristics of life in rural areas of Russia. The social and economic status and social well-being of typical rural groups (farmers, owners of commercial private farms, agricultural workers, public sector employees, villagers without official employment, and rural pensioners) are characterized. The objective and subjective prerequisites for achieving life goals in their communities and opportunities for expanding individual activity are analyzed. A conclusion is drawn regarding the social and structural determination of the adaptive capacities and resources for self-development of typical social groups in the rural population. The obtained results will contribute to the identification and activation of social and cultural foundations for expanding the internal potential of rural communities to stimulate the sustainable development of rural areas in Russia.

Key words: typical social groups, rural communities, social and structural features, rural areas, sociological research

References

1. Velikiy, P. P., Vyalshina, A. A. Contemporary Russian Village: Current Problems and Their Reflection in Agrarian Sociology. *Sociological Studies*. 2025. No. 1. Pp. 53–69. DOI [10.31857/S0132162525010068](https://doi.org/10.31857/S0132162525010068). (In Russ.).
2. Shkaratan, O., Yastrebov, G. Discovering Real (Homogenous) Social Groups in the Russian Society: Methods and Results. *Applied Econometrics*. 2007. No. 3 (7). Pp. 95–118. (In Russ.).
3. Tikhonova, N. E., Mareeva, S. V., Anikin, V. A., et al. *Society of Unequal Opportunities: Social Structure of Modern Russia*. Moscow: Ves' Mir Publishing House, 2022. 422 p. ISBN 978-5-7777-0873-1. DOI [10.55604/9785777708731](https://doi.org/10.55604/9785777708731). (In Russ.).
4. Shkaratan, O. I. *Sociology of Inequality. Theory and Reality*. Moscow: National Research University Higher School of Economics, 2012. 526 c. ISBN 978-5-7598-0913-5. (In Russ.).
5. Ildarkhanova, Ch. I. Modernization of Russian Rural Area as a Social and Cultural Phenomenon: Methodological Bases of Analysis. *Bulletin of Udmurt University. Sociology. Political science. International Relations*. 2017. Vol. 1, No. 2. Pp. 132–140. (In Russ.).
6. Beznin, M. A., Dimoni, T. M. *Agrarnyy stroy Rossii 1930–1980-kh godov [Agrarian System of Russia in the 1930s–1980s]: monograph*. Moscow: Lenand, 2014. 608 p. (In Russ.).
7. Plyusnin, Yu. M. *Sotsial'naya struktura provintsial'nogo obshchestva [Social Structure of Provincial Society]*. Moscow: Common Place Publishing House, 2022. 448 p. ISBN 978-5-6046947-6-3. (In Russ.).
8. Blinova, T. V., Bylina, S. G. Scenario Forecasting of the Saratov Oblast Rural Population. *Social Area*. 2021. Vol. 7, No. 3. DOI [10.15838/sa.2021.3.30.5](https://doi.org/10.15838/sa.2021.3.30.5). (In Russ.).
9. Velikiy, P. P. Farming is an (Un)Rooted Social Group: Problem Statement. *Sociological Studies*. 2024. No. 5. Pp. 79–88. DOI [10.31857/S0132162524050064](https://doi.org/10.31857/S0132162524050064). (In Russ.).
10. Velikiy, P. P. *Povsednevnost' rossiyskogo sela v nachale XXI veka [Everyday Life of the Russian Village at the Beginning of the 21st Century]*. Saratov: Saratovskiy Istochnik Publishing House, 2020. 307 p. ISBN 978-5-6044120-7-7. (In Russ.).
11. Kalugina, Z. I. *Rynoch'naya transformatsiya agrarnogo sektora Rossii : Sotsiologi-cheskiy diskurs [Market Transformation of the Agricultural Sector of Russia: Sociological Discourse]*. Novosibirsk: Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 2015. 342 p. ISBN 978-5-89665-290-8. (In Russ.).
12. Averk'eva, K. V., Zemlyansky, D. Yu. Employment Pattern of Rural Population in the Central Chernozem Area. *Bulletin of Moscow University. Series 5: Geography*. 2016. No. 2. Pp. 75–81. (In Russ.).
13. Tikhonova, N. E., Latov, Y. V., Latova, N. V., et al. *Chelovecheskiy kapital rossiyskikh professionalov: sostoyaniye, dinamika, faktory [Human Capital of Russian Professionals: Status, Dynamics, Factors]*. Moscow: Federal Center of Theoretical and Applied Sociology RAS, 2023. 488 p. ISBN 978-5-89697-420-8. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-420-8.2023](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-420-8.2023). (In Russ.).

Bio note

Anna A. Vyalshina, Candidate of Sociological Sciences, Senior Researcher, Institute of Agrarian Problems, Federal Research Center "Saratov Scientific Center RAS", Saratov, Russia.

Contact information: email: anvval@mail.ru; ORCID ID: [0000-0001-6723-5961](https://orcid.org/0000-0001-6723-5961); RSCI SPIN-code: [1069-0031](https://www.scopus.com/authid/detail.url?authorID=1069-0031); Web of Science Researcher ID: [V-5999-2018](https://orcid.org/V-5999-2018).

Received on 19.01.2026; accepted for publication on 16.03.2026.

The author has read and approved the final manuscript.